

ТАТЬЯНА ДРУБИЧ: БИЗНЕС — ЭТО ОХОТА

ИНТЕРВЬЮ С ПОПУЛЯРНОЙ
АКТРИСОЙ

Татьяну Друбич, тогда еще совсем юную Таню, мы впервые увидели в светлой, необыкновенно пронзительной и одновременно жестко говорящей о первых чувствах картине «Сто дней после детства». Позже были другие, не менее трогательные, странные и страстно любящие героини в череде фильмов режиссера Сергея Соловьева: «Спасатель», «Наследница по прямой», «Избранные», «Асса», «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви»... Сегодня Татьяна снимается в роли удивительной женщины, женщины-легенды, женщины, которую любил великий Тургенев, Полины Виардо. На этот раз снова у режиссера, создавшего ее как актрису. А нам остается только ожидать встречи с прежней Татьяной Друбич и прежним Сергеем Соловьевым.

СТР. 3

Метро. — 1999. —
— 8 июля. — с. 1, 3

— *Таня, где-то год назад увидела тебя во «Взгляде». И мне показалось, что ты себя чувствовала зажато, стеснительно. Не было раскованности перед камерой, казалось бы, свойственной актрисе, давно снимающейся в кино. Или мне это показалось?*

— Был прямой эфир. А это совершенно другое, нежели играть роль, где ты защищена текстом, образом. На съемочной площадке, если тебе все понятно, если все правильно сделано, ты одет и причесан, такого не происходит. В других же публичных ситуациях, мне кажется, у любого человека это стеснение, неловкость остается на всю жизнь. К тому же я мало показываюсь. Не люблю этого. Меня во многие ток-шоу звали ведущей. Но именно потому что я не чувствую свободы перед камерой, я от всего бегу. Неоднократно предлагали съемки в рекламе. Я даже приходила в фирму «Лореаль» на пробы рекламы крем-краски. В рекламе «Лореали» работали такие звезды, как Настасья Кински, Энди Макдаул, Клаудия Шиффер. И фирма захотела лицо русской актрисы. Это был мой первый рекламный опыт, но до конца я так и не дошла, потому что в качестве гонорара называлась просто смешная цифра. А я считаю, что это неправильно, так как используется мое лицо, а это мой имидж. Мне кажется, здесь дело не во мне, а в том, что у многих иностранных фирм колониальное отношение к нам. Хотя до конца я этой ситуацией не владею.

— *Значит, вообще работу в рекламе ты не считаешь зазорным?*

— Нет. Если эта реклама сделана качественно.

— *Любая реклама?*

— Ну, конечно, не прокладок. Это же глупость. Мне бы хотелось рекламировать духи. Это прекрасно. Мне очень нравится то, что Анжелика Варум делает духи. А вообще, мне кажется, что наша реклама должна быть особой, с неким стебом, юмором...

— *До приглашения Эльдара Рязанова в картину «Привет, дуралей» у тебя был огромный 7-летний перерыв. Не жалко упущенных лет?*

— Нет. Мне не хотелось сниматься.

— *Не чувствуешь, что в эти годы ты потеряла что-то?*

— Нет. Напротив, для меня перерыв в семь лет был огромной пользой. Я пришла к Рязанову в совершенно ином качестве. Конечно, актеру важно работать на сцене, чтобы был тренинг. Но еще очень важно смотреть фильмы. Я много смотрю на видео. Читать, смотреть — очень полезно.

— *Не снимаясь, кроме самосовершенствования, ты всю себя отдавала своей первой профессии — врача? И какая у тебя медицинская специализация?*

— Я врач-терапевт. Врач, как у нас пишут, минус терапевт. Ординатуру закончила по эндокринологии. Потом самостоятельно изучила гомеопатию. И работала гомеопатом-эндокринологом.

ТАТЬЯНА ДРУБИЧ: БИЗНЕС — ЭТО ОХОТА

— *Слышала, что у тебя есть или был свой бизнес?*

— Да, у меня есть дело. Уже давно. Это бизнес в медицинском направлении. Я учредила компанию в 91-м году.

— *Ты там появляешься?*

— Я на работе каждый день. Я глава представительства немецкого химического концерна здесь. Это очень узкая фармацевтика по стерилизации медицинского инструмента, операционных и пищевой промышленности. Вот такой ерундой я занимаюсь (смеется).

— *И ты получаешь удовольствие от бизнеса?*

— Мне нравится. Я понимаю, что на сегодняшний день — это самый интересный способ взаимоотношений с нашей жизнью. Это очень развивает. Это очень интересно, для творческого человека, мне кажется, особенно. Это очень подвижно по морали, по интриге, по игре, по азарту. Это — охота.

— *Разочарований на этом пути не было? Не влияет ли это на творчество?*

— Я, наверное, от природы устроена двойственно, а может, даже тройственно, так что одно другому не мешает. Больше того, даже не представляю, как можно заниматься одним и не делать другого. Но бизнес должен оставаться в тени моей жизни. Хотя именно он дает определенную степень свободы. У меня есть на что жить, грубо говоря, мне не надо идти на компромисс в другом. А бизнес — это всегда компромиссы... Но очень часто приходится, не основываясь ни на чем, следовать своей интуиции во взаимоотношениях с человеком. В бизнесе — это самое главное.

— *В кино ты придерживаешься тех же принципов? Не снимаешься у режиссера, который тебе не нравится по-человечески?*

— В кино самое главное — профессионализм режиссера. Мне как врачу не важно, кто ко мне приходит. Я должна его вылечить. Это почти то же самое. А если говорить о профессионализме, то у меня есть проблемы в работе с режиссером-актером. Мне было тяжело работать с Ваней Дыховичным

в «Черном монахе». Это вообще моя самая трудная картина. И меня озвучивали Нееловой. По этому поводу я тоже переживала. Но, если честно, роль от этого только выиграла, потому что у меня есть речевые проблемы. Я же не училась, у меня нет техники речи. А некоторая зажатость в речи проявляется лучше, чем в чем-либо. Я пришла к выводу, что режиссер-актер совершенно особенно работает с актерами.

— *А с Соловьевым было легко с самого начала?*

— Он дал мне возможность развиваться и не мешал этому. Как правило, в работе сталкиваешься с режиссерскими и мужскими амбициями. Потом это на результате отражается. Сережа настолько по-докторски подходит к каждому... И, действительно, очень любит актеров. Поэтому все у него снимаются из картины в картину. И профессионалов он любит. У него феноменаль-

ное чутье на одаренность и актерскую природу. Когда Сережа начал меня снимать, ему же весь Советский Союз говорил: «Что ты делаешь? Неужели нет актрисы другой? С ума сошел с ней возиться». Сережа видит, что одно растение можно поливать, и оно за два года вырастет на два сантиметра, а другое расцветет пышным цветом. У него уникальное дарование — давать людям шанс.

— *Признайся, ты в Сережу сама влюбилась? По идее, для такой романтической девочки, не хочу тебя обидеть, чисто внешне он не мог быть героем твоего романа...*

— Конечно, внешне, мне было тогда 14 — 15 лет, Сережа никак не мог быть моим героем. Но он стал для меня просто богом. Я из простой буржуазной семьи: папа — инженер, мама — экономист. Но, видимо, что-то такое внутреннее во мне было. И Сережа это различил. А ведь человек может прожить всю жизнь, и у него так и не появится ощущение, что он может с кем-нибудь поговорить так, как хочет. Понимаешь? И вдруг... Появляется Сережа. Мне себе трудно было тогда представить любовь к такому человеку. Препятствием был и возраст. Это не была любовь зрелой женщины. Я ему все время, говорила: «Сережа, раньше ты для меня был богом, а потом стал авторитетом». Вот это разница в наших отношениях.

— *У тебя с детства была склонность к актерству?*

— Нет. Мне никогда никем не хотелось быть. Не было стремления ни к какой профессии. Я любила смотреть картинки. И читать книжки с картинками. Меня никогда не привлекало ни кино, ни театр. Я даже никогда не испытывала ощущение волнения от этого. Вот как судьба распорядилась. Я всегда испытывала волнение, когда входила в какую-нибудь научно-исследовательскую лабораторию. Или когда видела, как человек играет в шахматы. Для меня Каспаров — герой просто космического масштаба. И чтобы, о нем ни говорили, что бы ни писали — это абсолютно недоступная вершина. Просто, как космос. Мне же никогда не хотелось даже на самостоятельную сцену выходить. Кстати, моей дочке нравится. Они в школьном драмкружке что-то ставят. У меня же ноги не шли туда. Все это происходило во многом от того же нежелания показывать себя.

— *Нежелание показывать себя странно для такой красивой девочки, какой ты была уже в 13 лет...*

— Я никогда не считала себя красивой в школе. У нас красивыми считались совсем другие девочки: высокие, сексуальные, с формами и отличницы. Хотя я тоже училась хорошо. Что касается моего восприятия зрителями, то это во многом заслуга Сережи. Это образ, который он правильно сложил в кино.

Марина СВЕТЛОВА